

И за скорбной колесницей
Ты пойдешь — хвала творцу! —
Интересною вдовицей —
Траур так тебе к лицу!

[Бенедиктов 1983: 480-481].

В итоге, пародия Ломоносова на сумароковского «Гамлета», сатирическая миниатюра-притча, направленная на «осмеяние суетности людских суждений, лжи и бездуховности» [Пашкуров, Разживин 2010: 204], расширяет культурные и исторические границы бенедиктовского стихотворения «на случай».

Таким образом, творческий «диалог» лирики В.Г.Бенедиктова с поэтическим стилем М.В.Ломоносова представляется полноценным и вполне обоснованным явлением, органично вписанным в отечественную культурную традицию и перспективным для филологического исследования.

Литература

- Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1982.
Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С.231–285.
Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983.
Васильев С.А. Силевые традиции Г.Р.Державина в русской литературе XIX—начала XX веков. М., 2007.
Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997.
Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.-Л., 1965.
Ломоносов и русская литература. М., 1987.
Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. Т. 7.
Минералов Ю.И. История русской литературы XVIII века. М., 2007.
Муравьев М.Н. Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову, писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев // М.В.Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.-Л., 1962. С.35-40.
Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: В 2 ч. Елабуга, 2010. Ч. 1.
Полонский Я.П. Биография В.Г.Бенедиктова, составленная Я.П.Полонским // Бенедиктов В.Г. Сочинения... / Под ред. Я.Полонского: В 2 т. Т. 1. СПб.-М., 1902.
Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. М.-Л., 1966.
Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. СПб., 2001.

Сатирические произведения русских и татарских поэтов-просветителей

А.Ф.Галимуллина (Казань, ТГГПУ)

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-06-29603 а/В и АН РТ № 10-06 – 29603 2011 (РГНФ)

Татарские поэты, критики и литературоведы XIX – начала XX веков не уделяли большого внимания творчеству русских поэтов XVIII века. Впервые в татарской публицистике имена М.В.Ломоносова и Г.Р.Державина упоминаются в статье Фатыха Карими (псевдоним Каләм) об истории русской литературы в первом номере журнала «Шура» за 1908 год. Автор статьи заявил о своем желании познакомить татарских читателей с историей русской литературы, начиная с древнейших времен до современности (до начала XX века), однако замысел автора не был осуществлен. Появление этих публикаций вполне закономерно и обусловлено переходом татарской литературы к новому типу культуры. Нам не удалось обнаружить переводов стихотворений М.В.Ломоносова и Г.Р.Державина на татарский язык, сделанных до XX века. Следовательно, с их произведениями могли знакомиться только татарские писатели, владевшие русским языком, которых во второй половине XIX века было крайне мало. Это в большей степени снимает вопрос о прямом влиянии поэзии М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина и других русских поэтов XVIII века на татарскую литературу XIX века. Однако изучение творчества татарских поэтов-просветителей и поэзии русских классицистов позволяет выявить типологическое сходство, основанное на близости просветительской идеологии, а также определить сходные закономерности в развитии эстетического сознания и в формировании новых литературных жанров. Проблема типологического сходства поэзии М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина и других русских поэтов-просветителей с творчеством татарских поэтов-просветителей требует кропотливого текстуального анализа на уровне формы и содержания. Оригинальный взгляд на личность и творчество Г.Р.Державина через призму татарского литературного и исторического контекста представляет профессор КГУ Х.Ю.Миннегулов в статье «Его гений думал по-татарски». Исследователь называет Г.Р.Державина «одним из блестящих представителей обрусевших инородцев ... татар» [Х.Ю.Миннегулов 2010: 168]. Исследователь отмечает определенный интерес Г.Р.Державина к татарской поэзии, который отразился в использовании поэтом татарских легенд и преданий при создании либретто оперы «Грозный, или Покорение Казани» (1814), драматическом сочинении «Добрыня», а также в оде «Стихи о Суюмбеке». Х.Ю.Миннегулов намечает дальнейшее направление в изучении творчества Г.Р.Державина в контексте татарской и восточной литератур – выявление типологических, генетикосходных моментов с татарской литературой Средневековья и классикой арабско-персидско – тюркского мира. Такой подход к изучению творчества и других русских поэтов-просветителей возможен, тем более, что известен

интерес к восточному колориту как русских писателей-просветителей, так и представителей европейского Просвещения.

В XX веке также интерес к творчеству М.В.Ломоносова не был устойчивым и широким. Однако к юбилейным датам в журнале «Казан утлары» публиковались краткие биографические справки, а в 1973 году известный татарский поэт Заки Нури в сборнике переводов «Рус шагыйрьләре» («Русские поэты») опубликовал свои переводы стихотворений русских поэтов: Г.Р.Державина («Котлау», «Дәрәжә шигыреннән өзек» («Поздравление», отрывок из оды «На знатность»), Н.М.Карамзина «Көз» («Осень»), отрывок оды А.Х.Востокова «Батырларга ода», басню «Аккош, чуртан һәм кысла» («Лебедь, рак и щука») И.А.Крылова, стихотворения поэтов XIX – XX веков (А.С.Пушкина, М.Ю. Лермонтова и т.д.), татарский поэт включает и перевод отрывка из стихотворения М.В. Ломоносова, озаглавив его только как «Отрывок» («Өзек»):

...Тирәннәргә үтеп кереп, химиянең
 Үткен күзе жир асларын айкасын.
 Иксез-чиксез хәзинәле Россиянең
 Байлыкларын ачып бирсен барчасын.

Өйрәнегез, күзәтегез – һәр адымда
 Тулып ята бөеклек һәм матурлык, –
 Бу байлыкны жир шарының кай ягында
 Кайчан һәм кем күргән диеп әйтерлек!

Поэт Заки Нури для перевода выбрал две строфы, призывающих постигать науки, содержащих восхищение богатствами недр России, призыв беззаветного служения Просвещению и Родине. Данный отрывок, содержит едва ли не единственные строчки стихотворений М.В. Ломоносова, переведенных на татарский язык. Таким образом, вопрос о переводах и непосредственном взаимодействии русских и татарских поэтов-просветителей снимается.

Традиционно исследователи отмечают отсутствие в татарской литературе такого литературного направления, как классицизм, однако в татарской литературе первой половины XIX века происходили процессы, сходные с теми, которые переживала русская литература в начале и середине XVIII века. При этом, как отмечает профессор Ю.Г.Нигматуллина, «в первой половине XIX века в татарской литературе не наблюдаются те резкие перемены в

сторону «тотальной» европеизации эстетического сознания и жанровых форм, которые в эпоху классицизма резко изменили облик русской литературы. (...) Татарская литература по-прежнему развивалась в духе традиций восточной культуры и цивилизации. Но изменения происходили в ней значительные, хотя совершались они постепенно и не так заметно, как в русской литературе XVIII века» [Нигматуллина 1997: 101]. Изменения эти выразились не только в эстетическом сознании татарских писателей, но и в жанровой системе литературы.

В исследованиях 1990-х годов отмечается, что татарская литература не имела классицизма, так как у татарского народа не было тогда государственности и, следовательно, потребности в подобном литературном явлении. На это указывает Ю.Г.Нигматуллина в монографии «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» (Казань, 1997). В то же время исследователь рассматривает татарскую литературу в широком сравнительно-типологическом контексте явлений русской литературы разных исторических эпох, выявляет национальное своеобразие этих литератур и сходные закономерности их развития на уровне типов культур и цивилизаций. Труды Ю.Г.Нигматуллиной стали одними из основополагающих для нашего исследования. В них разрабатываются принципы сопоставительного анализа русской и татарской литератур: *«научная корректность требует от исследователя сопоставления явлений татарской литературы XIX века с русской литературой XVIII века, а не XIX в. (...) Если русская литература переживала в XIX веке свой «золотой век», то у татарской литературы «золотой век» еще будет впереди, в начале XX столетия. Тогда и будет осуществлен настоящий, творческий полилог разных культурных традиций, начнется существенное изменение структуры татарской литературы»* [Нигматуллина 1997: 101], так как формирование татарской нации и национального самосознания имело свои особенности и несколько «замедленный» характер. Как и русская литература XVIII века, татарская литература XIX века совершала переход к новому типу культуры, постепенно осво-

бождаясь от канонов культуры средневековья. Ценность в татарской литературе XIX в. осмысливается как явление «естественное», природное; антропологическая сущность человека не связывается в сознании просветителей с божественной волей непосредственно, как это было в культуре средневековья. Формирование такого типа культуры обусловлено в татарской литературе, как и в русской, развитием просветительского движения в эпоху кризиса и ломки феодальных отношений и становления национального самосознания общества [Нигматуллина 1997: 101]. Формирование нового типа культуры (отличной от средневековой – традиционалистской) связано с развитием просветительского движения и становления национального самосознания.

Представления о возвышенном в татарской поэзии XIX века развивается параллельно с представлением о низменном. Возникает образная антитеза: ученый, просвещенный мулла – мулла невежда, ученый человек с гражданскими чувствами – корыстолюбивые, жадные, эгоистичные богачи.

Примером может служить стихотворение Г.Г.Кандалыя «Мулла и его жена» Г.Г.Кандалый создает сатирический образ муллы, используя прием иронии, переходящей в сарказм. Начинается стихотворение с дружеского обращения автора к своему «герою» мулле, в котором уже улавливается скрытая ирония: *«Ты, в шубу желтую торжественно одет,/ Ни в гости ль с жеманушкой идешь, мулла-хазрат?/ Тебе - почетный стул, жена - с тобою рядом,/ Набили рты едой, - хвала земным усладам!»*. Г.Г.Кандалый в метком оценочном эпитете «бездонный» (живот) выражает свое отрицательное отношение к мулле. Так, поэт с сарказмом восклицает: *«Суп выхлебай до дна и курицу кончай,/ Стаканов не считай - пей с бавырсаком чай»*. (Сравним, в творчестве Г.Тукая – чалма становится символической деталью, олицетворяющей невежественного муллу).

Яркие картины стихотворения (обед, намаз) обличают скудность духовного мира муллы, его невежество, пренебрежение элементарными своими обязанностями: мулла даже намаз исполняет наспех, боясь опоздать на сыт-

ный обед: *«Умывшись кое-как, свершив намаз поспешно,/ Обеды прошлых дней ты вспомнишь безуспешно».*

Г.Г.Кандалый усиливает обличение, вводом сна героя, во время которого мулла вновь видит сцены обеда: *«Жена! - ты вскрикнешь вдруг, зовут нас на обед!»/ Объевшись, ты уснул и бредишь, дармоед*. Слова «дармоед», «бредишь» создают яркий сатирический образ. Предупреждение автора мулле: *«Однако меру ты блюда, хазрет - мулла,-/ Остынут мужики - не те пойдут дела»*. Г.Г. Кандалый использует для обличения муллы яркую сатирическую выразительность, разговорную лексику и фразеологию.

Своеобразие подходов в сатирическом обличении духовенства можно выявить при сопоставительном анализе стихотворения Г.Г.Кандалыя «Муллы и его жена» с «Гимном бороде» М.В.Ломоносова.

М.В.Ломоносов написал едкую и злую пародию, направленную против корыстолюбивых, невежественных попов, носителей бороды: *«дураки, вдали, проказы»*, их церковное учение М.В.Ломоносов называет ложным: *«О прикраса золотая,/ О прикраса дорогая,/ Мать дородства и умов,/ Корень действий невозможных,/ О завеса мнений ложных!»* Сходство позиций русского и татарского поэтов состоит в том, что М.В.Ломоносов, так же как и Г.Г.Кандалый, избрал для сатиры прием скрытой иронии, когда в жанре гимна поэт восхваляет и одновременно разоблачает мнимые достоинства сатирического образа.

При всем сходстве стихотворений, есть и существенные различия в содержании и форме стихотворений русского поэта-классициста и татарского поэта-просветителя:

1. М.В.Ломоносов создает общий сатирический портрет духовенства, без конкретизации образа, поэтому использует форму множественного числа: *«Люди обще говорят/ И по правде то твердят:/ Дураки, вдали, проказы/ Были бы без ней безгласы ...»*. Г.Г.Кандалый же конкретизирует образ муллы, хотя и изображает в нем типичные черты невежественного духовенства. Это ярко проявилось в обращенном к мулле местоимении «ты».

2. М.В.Ломоносов рассматривает проблему с государственной позиции: *«Если кто невзрачен телом/ Или в разуме незрелом,/ Если в скудности рожден/ Либо чином не почтен, - / Будет взрачен и рассуден,/ Знатен чином и не скуден/ Для великой бороды:/ Таковы ея плоды»*. Г.Г.Кандалый же решает проблему более узко в культурно-просветительском плане, поэтому наибольший акцент делает на невежестве, корыстолюбии муллы: *«Поездил ты с женой на спинах мужиков,/ Поели всласть их кур, гусей и индюков!»*

3. М.В.Ломоносов, как и в других своих произведениях, использует античные образы: Венера, Химена.

Как видим, русские поэты-классицисты и татарские поэты-просветители сходились во мнении, что наука и просвещение необходимы человеку, обществу и государству; произведения татарских просветителей не являются классицистическими по форме и по содержанию. Прежде всего это проявляется в жанровой неопределенности, в смешении лексических пластов, отсутствии ориентации на нормы античности (европейской классики), хотя общая концепция, присущая стихотворениям татарских поэтов-просветителей, сближает их с произведениями русских поэтов-классицистов. В качестве идеала человека выдвигаются мудрецы, ученые, высокообразованные деятели, посвятившие себя гражданскому служению обществу.

Сходство сравниваемых произведений основано также на единстве просветительской идеологии, что отразилось в общности тем, идей; однако было и существенное отличие: русские классицисты ставили политико-государственные цели, а татарские просветители – культурно-просветительские, идеальный человек (у классицистов еще и просвещенный монарх, государственный деятель). Так же, как и в поэзии классицистов, произведениям татарских поэтов-просветителей присуще рациональное начало. Ключевые слова и мысли татарских просветителей несут в себе отрицательную и положительную окраску. Для поэзии русских классицистов и татарских просветителей характерно единство пафоса национальных надежд, а впоследствии мотивов разочарования (это сходство типологическое).

В конце XIX – начале XX веков татарская литература проходит ускоренный путь развития, следствием чего является параллельное развитие и взаимодействие различных творческих методов: просветительского реализма, романтизма, критического реализма, символизма. [Нигматуллина 1997: 110]. Метод просветительского реализма в татарской литературе отличается двуплановостью, сосуществованием реалистического и идеального начала в рамках одного произведения. Реалистическое – в критике, разоблачении невежества как социального зла, в обусловленности характеров героев общественной средой. «Идеальное» – в поэтизации разума, интеллекта, знаний, в абсолютизации роли общественного мнения. Татарские просветители больше внимания уделяют «идеальным» героям, в роли которых выступают сельский мугаллим (учитель), просвещенные муллы, образованные женщины-татарки с яркой, сильной натурой. Идеальное начало в большей мере присуще просветительской прозе и почти не обнаруживается в драматургии, зародившейся в татарской культуре только в начале XX века

Близость позиций русских и татарских просветителей становится очевидной при сопоставительном анализе комедий Д.И. Фонвизина «Бригадир» (1769) и Г. Исхаки «Жан Баевич» (1923), позволяющие осмыслить проблему невежества, галломании в контексте русско-татарских взаимосвязей, когда проблема борьбы с мещанством, увлечением чужой культурой в ущерб своей имеет интернациональный характер, но в лучших сатирических произведениях получает и специфические национальные акценты.

У русских писателей-классицистов: повышенный интерес писателей к историческому прошлому страны, обращение к событиям современной им действительности, наличие активно развивающегося сатирического направления, идея государственности и просвещенной монархии, связанная с этим антидеспотическая, тираноборческая направленность, обличение пороков лиц, наделенных властью, проявление внимания к судьбе простого человека, крепостного крестьянина, использование фольклора в своем творчестве, требование воспитательного воздействия литературы на читателя.

У татарских просветителей (в романах и повестях Г.Исхаки, комедиях Галиаскара Камала «Беренче театр», в сатире Г.Тукая, повестях Ф.Амирхана «Хаят», «Фатхулла-хазрат») антропологическое понимание человека переносится на образ нации в целом, религиозное чувство сливается в национальным, появляется стремление осознать человека как явление определенной цивилизации и культуры, общей тенденцией является стремление татарских писателей начала XX века показать героя не только в конкретно-социальном, но и в общечеловеческом планах, при этом татарские писатели опирались на национальные традиции, стремились сохранить связь со всей предшествующей татарской литературой, а также с традициями восточной культуры. Одновременно усиливается интерес к русской и западноевропейской литературам (переложение повести «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина – «Мескинә Фаизә» Ш.Рахмати, статья под псевдонимом Каләм (Фатыха Карими) об истории русской литературы с древнейших времен до современности (1908) в журнале «Шура») и т.д.

Выявление типологического сходства произведений русских и татарских писателей-просветителей требует дальнейшего исследования с привлечением более широкого круга писателей, в данной статье мы только обозначили проблему и определили состояние изученности данной проблемы в татарском литературоведении.

Литература

- Миннегулов Х.Ю. “Его гений думал по-татарски” (Размышления о Г.Р.Державине) // Фәнни язмалар – 2008: фәнни мәкаләләр җыентыгы. – Казан: Ихлас, 2010. – С. 167 – 176.
- Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур. – Казань: Фән, 1997. – 192 с.